

Арктический пейзаж в прозе Ивана Меньшикова

© А.В. ПЕТРОВ,

доктор филологических наук

В статье рассматриваются лингвистические средства создания арктического пейзажа в прозе Ивана Меньшикова. Особое внимание обращается на образы солнца, Полярной звезды, северного сияния. Отмечаются колоризмы, олицетворение природных объектов, употребление ненецких заимствований в переносном значении.

Ключевые слова: северный текст, язык Ивана Меньшикова, пейзаж, колоризм, олицетворение, сравнение, метафора, эпитет.

The article deals with the linguistic means of creating the Arctic landscape in the prose by Ivan Menshikov. The center of attention are the images of the sun, of the North star, of aurora borealis. Attention is also paid to colorisms, personification of natural objects, the use of Nenets loanwords in the figurative sense.

Key words: Northern text, the language of Ivan Menshikov, landscape, colorism, personification, simile, metaphor, epithet.

Круг создателей мифопоэтического образа Русского Севера не ограничивается его уроженцами. Так, в 1934 году в Ненецкий округ из Москвы приехал молодой писатель Иван Николаевич Меньшиков (1914–1943), который с энтузиазмом окунулся в самую гущу тундровой жизни, он записывал сказки, предания, легенды северных кочевников, изучал их быт и характер, научился говорить по-ненецки. Два года он проработал

в окружной газете «Нарьяна Вындер». Как вспоминал Константин Симон, «Меньшиков поехал на Север не смотреть, он поехал жить и работать, принципиально считая, что людей по-настоящему можно узнать только тогда, когда работаешь с ними, а не тогда, когда смотришь на них» [1].

Иван Меньшиков восторженно отзывался о жителях тундры: «Какой это хороший, честный и простодушный народ — ненцы. Как они тянутся к культуре, как жадно хотят все знать. Нет, я просто в восторге от них, я влюблен в них! Книгу о них напишу. Непременно напишу!» [Там же. Курсив здесь и далее наш. — А.П.]. И сдержал слово — написал отражающие нравы и обычаи ненецкого народа яркие, талантливые книги: «Полночное солнце» (1939), «Человек не хочет умирать» (1939), «Друзья из далекого стойбища» (1940), «Легенда о Таули из рода Пырерко» (1941), «Человек ищет счастье» (1946). В годы войны Меньшиков — корреспондент газеты «Комсомольская правда», он пишет фронтовые очерки и рассказы. Погиб журналист и писатель в 1943 году при выполнении задания редакции.

Александр Михайлов в очерке «Русский Ваня» отмечал: «Молодой писатель безошибочно почувствовал дух времени, характер борьбы, всколыхнувший тундру в период коллективизации. Драматизм, накал этой борьбы в изображении Меньшикова не мешает ему оставаться тонким лириком в описании интимных отношений, в описаниях природы» [2].

Арктический пейзаж Ивана Меньшикова — удивительный, трепетный и в то же время безыскусный, простой. Писателя отличает чуткая наблюдательность, тонкое чувство цвета. Палитра красок разнообразна, однако ожидаемого белого цвета практически нет, *белый* употребляется исключительно терминологически: *белый медведь*, *белая куропатка*. Среди колоризмов в северной прозе Меньшикова преобладают синий, фиолетовый, лиловый, розовый, оранжевый цвета. Писатель поэтизирует природу тундры, используя олицетворения, метафоры, сравнения, эпитеты.

Ключевой образ арктического пейзажа — солнце — неизменно представляется живым существом, наделенным определенными привычками, пристрастиями, чувствами. Чаще всего оно *медлительное*, *ленивое*, *сонное*: «Мягкое розоватое *солнце лениво плывет* над морем» (Старик); «... *солнце устало опустилось* на плечи высокой сопки в полуночной стране»; «И *солнце* стояло в небе, *жаркое, веселое и немного сонное*» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «...поднялось *сонное ноябрьское солнце*» (Тэнэко); «еще долго не показывается *солнце, медлительное и спокойное*» (Памятник);

Сравнения, олицетворения характеризуют солнце в представлении жителей тундры: «*Солнце, как ожиревший белый медведь*, выползает из-за гор» (Тэнэко); «...*солнце, как медведь в берлоге*, лежало в море»; «...утреннее *солнце*, розовое, *как мясо семги*» (Нярвей); «показалось *солнце*, и на *бойких лыжах оно побежало* по тундровым сопкам» (Лисенок плачет в ночи); «...пошел в ту сторону, где *процаетя с землей солнце*» (Легенда о Таули из

рода Пырерко); «Она не видела, что *солнце уже утонуло в Карском море*» (Нярвей).

Солнце дарит красоту и расцвечивает северную природу: «От блеска его лучей *озеро искрилось и принимало цвет солнца*. <...> Кончиками лучей оно окрашивало легкие облака *рубиновым и палевым цветом*, более ярким у краев и густым посредине» (Уста, говорящие правду); «Древнее *солнце* плыло по Карскому морю, зажигая волны *бирюзовым светом*» (До самого сердца земли); «Лучи его просвечивали сквозь маленькие листья тальника, и куст походил на *бледно-палевое пламя костра*» (Памятник); «Весеннее *солнце* по утрам *выплывало* из темно-зеленого моря, и *гребешки волн рубиновыми змейками* мчались от востока на запад» (Полуночное солнце); «*Нежно-сиреневый круг* поднимался от океана и, пламенея с каждой минутой, *переливаясь радугой*, мерно качался над горизонтом. Он доходил до зенита, до Нгер Нумгы, и, став *рубиновым или пунцовым*, медленно таял, умирая» (Друзья из далекого стойбища).

Великим чудом, символизирующим победу жизни над смертью, представляется *полуночное солнце*, данный оксюморон точно и емко характеризует полярный день, когда солнце не закатывается, а буквально кружится на небе: «И вновь над Таули *кружится полуночное солнце*» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «Древнее *солнце*, спокойное и мудрое, как сказки слепой Няркэнэ, поднималось над Большой землей и *кружилось много дней, не закатываясь*» (До самого сердца земли); «*Солнце* уже более не купалось в море. Оно *кружилось над тундрой* и весело топило снег» (Нярвей); «...ощущала щекой прохладную ласковость *полуночного солнца*, заглядывавшего в чум сквозь полуткрытый полог» (До самого сердца земли); «На севере *в полуночи ярко горело солнце*» (Полуночное солнце); «*Июльское солнце* уже месяц *кружится над тундрой*, и от этого воздух кажется удушливым и пряным»; «*Солнце* в розовом тумане *доползло до полуночи*. Полчаса постояв на севере, почти касаясь горизонта, оно стало подниматься...» (Неистовый сын Лаптандера).

Летние белые ночи по праву именуются солнечными ночами: «...наступала *солнечная ночь*. Солнце не закатывалось. Оно стояло в северной стороне...»; «*Заря встречалась с зарей*, так коротка была *ночь*» (Легенда о Таули из рода Пырерко).

Еще один важный символ арктического пейзажа – Полярная звезда, по-ненецки *Нгер Нумгы – гордая, одинокая, яркая, холодная*: «*Нгер Нумгы* – звезда ясовеев – *сверкала ярко* в синевато-черном небе ночи» (Боги); «...*озябшая красавица Нгер Нумгы* по-прежнему *одинок*о качалась» (Под осенними звездами); «И только *Нгер Нумгы гордо стояла* почти над палаткой Тони Ковылевой. *Яркая и холодная*» (Друзья из далекого стойбища); «Ало-оранжевая заря полыхала на севере против слабо тлеющей

в ночном небе *Нгер Нумгы – Полярной звезды*) (Полуночное солнце); «... синела одиноко *Нгер Нумгы – Полярная звезда*» (Под осенними звездами).

Звезды арктического неба в изображении Меньшикова *бледные, далекие, мертвые*, светящиеся *мягко-голубым* светом: «Сквозь целлулоидное оконце палатки по-прежнему блестел *далекий и мертвый звездный мир*»; «Неуверенный мягкий мрак ползет по снегам от горизонта, и *бледные северные звезды* становятся ярче»; «...стоит огромный и печальный мир ледяных пространств, страна холмов, озер и болотистых низин под этим мгlistым небом и россыпью *бледных арктических звезд*» (Друзья из далекого стойбища).

Арктические звезды низко висят над тундрой: «И ничего в мире нет, кроме *низких*, кое-где проступающих *звезд, бледных, мягко светящихся*»; «Качаются *низкие северные звезды...*» (Друзья из далекого стойбища); «*Мягко-голубым светом* белеют *низкие осенние звезды*» (Под осенними звездами). Они кочуют, подобно тундровому народу: «*Звезды из Большой земли перекочевали в Малую к острову Колгуева*» (Нярвей).

Луна уподобляется золотой монете: «Старик замолкает, хмуро глядя на луну, что *золотой монетой* висит над мокоданом» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Мокодан* – «дымовое отверстие в верхней части чума» [4]. Она подобна медному тазу: «*Бледная луна* встает на востоке, широкая, как *медный таз*» (Неистовый сын Лаптандера). Луна – источник необычного света: «*Полная луна* источала *оранжевый свет*. Луна была огромна, и около нее от земли до зенита стояли *два серебряных столба*» (Боги).

При создании арктического пейзажа невозможно обойтись без описания полярного сияния как наиболее характерного природного явления: «...вспыхивает на полнеба *северное сияние, сумеречное и холодное*» (Друзья из далекого стойбища); «Над ним качался *изменчивый оранжево-алый полукруг северного сияния*, постепенно удаляющегося в ночь, к Полярной звезде» (Первая жена тадибея); «Предвесенняя ночь была звонка морозом, сияла *холодным великолепием сполохов*» (Змея с Золотой реки).

Интересно восприятие полярного неба одним из героев, профессор-геологом, который северное сияние сравнивает с Эйфелевой башней: «*Лиловый сумрак* лежал на снегах отражением *северного сияния*. Звезды померкли. Их скрыли *сполохи нежно-сиреневого цвета*. Широкой полосой они плыли от *Полярной звезды, алея* с каждой минутой. Потом они погасли, и высокая башня, *похожая на Эйфелеву*, вспыхнула в низком небе, и на вершине ее горела *голубая Полярная Звезда*» (Шах и мат, товарищ!).

В цветовой гамме арктического пейзажа при описании зимы преобладают цвета *лиловый, фиолетовый, синий*. По вершинам сопков бегут *лиловые тени*, а в оврагах уже отстаивается мрак, неуверенный и рваный» (Тэнэко); «...по сопкам побежали *синеватые тени*, похожие на оленье рога...» (Памятник); «*Темно-синие сумерки* напоздали на тундру» (Легенда

о Таули из рода Пырерко); «... *лиловеют снега и фиолетовые тени* ползут по сопкам от северных звезд» (Друзья из далекого стойбища); «Скоро стоят льды – так сильно печет солнце *ослепительно фиолетовые снега*» (Нярвей).

Лето в тундре окрашено в *оранжевый, розовый, красный* цвета: «...по *розовым* зыбким *мхам* вдоль речек и озер» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «По *оранжевой шкуре тундры* прыгали с кочки на кочку белые куропатки» (Первая жена тадибея); «Вершины сопок обнажили *оранжевые макушки*» (Наш собственный корреспондент); «Олени выбрасывают копытами *гроздь оранжевых брызг*» (Неистовый сын Лап-тандера); «...*кроваво-оранжевые скалы*» (Женщина шьет саван); «Ветер выдул в ребрах холма снег. Ребра были *оранжево-красные*» (Боги); «*Бледно-оранжевая тундра* с никелевыми тарелками озер качалась под самолетом...» (Друзья из далекого стойбища).

Органично включаются в пейзажные описания ненецкие слова в переносном значении: «Ветер нес за собой длинные *аргиши* туч и пронеслся над тундрой с тихим свистом» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Аргйш* – «обоз из нескольких десятков и более саней, запряженных оленями и привязанных один за другим» [4]; «Он бежал по тундре, надевающей снежную *малицу* зимы...» (Под осенними звездами); «Эта ночь была так холодна, что даже луна оделась в серебряную *малицу* мороза» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «... река Сюррембой-Яга уже сбрасывает в океан свою ледяную *малицу*» (Девушка с реки Сюррембой-Яга). *Мáлиця* – «на севере: одежда из оленьих шкур с капюшоном» [5. С. 338]; «Медленно и глухо оседал в оврагах снег, и на побережье появились первые *ясовеи* весны, пунухи – тундровые воробьи» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Ясовей* – «старожил, знаток местности; проводник» [6].

Ненецкие названия месяцев отражают годовой природный цикл: «В *месяц Большого Обмана* солнце выползает из своей берлоги, которая спрятана в море; в *месяц Отела* наступают длинные дни. Но в середине лета – *Комаринный месяц* и *Мошкаринный месяц* – солнце ходит вокруг твоего чума не закатываясь. Три месяца длится великий день» (Легенда о Таули из рода Пырерко) – в данном фрагменте последовательно называются апрель, май, август, сентябрь; обращает на себя внимание мифологическая картина выхода солнца из морской берлоги.

Мифологические сравнения людей с природными явлениями, объектами отражают представления о мире жителей тундры: «Он любил ее, семнадцатилетнюю Нэвлю, красивую, как *заря, рожденная в море*» (Змея с Золотой реки); «Широкие уши его, просвеченные солнцем, стали нежно-розовыми, как *мартовская заря*» (Горящее сердце Данко); «Такую, как в сказке поется: “Глаза – *две звезды Нгер Нумгы*, руки – *крылья лебедей*, лицо – нежнее первого *снега* и круглое как *луна*”» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «Твое лицо *чудесней*

северного сияния в месяц Большой Темноты» (Легенда о Таули из рода Пырерко).

Озера, холмы, сопки сравниваются с лебедями, оленями, китами: «... на озерах, подобно голубым лебедям, отдыхают усталые туманы» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «... холмы до самого горизонта, пестрые, как весенняя шкура оленя» (Нярвей); «небо, как шкура голубого песка весной, меняло свою окраску» (Змея с Золотой реки); «...сопки стали походить на выброшенных морем китов» (Нярвей).

Особое внимание уделено ветру, снегу: «Разорванные тучи походили на седые космы безумных старух, разбитые яростью ветра, бушующего в вышине» (Под осенними звездами); «...визжит по-песцовьи ветер в кустах» (Первая жена тадибея); «Ветер крепчал. Он гнул тундровый лозняк, и тот жалобно свистел; казалось, что и лозняк тоскует по ушедшему лету, и кланяется, и машет улетающим лебедям ветвями на прощание»; «Снег падал на тальник, но тот сгибался и сбрасывал его с себя, точно не хотел надевать белую одежду зимы» (Нярвей).

Часто одушевляется поземка — «метель без снегопада, поднимающая снег с поверхности земли» [5. С. 546]: «Поземка закружилась и заплясала на вершинах сопки, спускаясь в долины» (Первая жена тадибея); «... заскулила поземка» (Наш собственный корреспондент); «Курится поземка вокруг чумов, гроша и без того лохматых собак, свернувшихся калачами у нарт (Друзья из далекого стойбища).

Описывая поведение представителей арктической фауны, Меньшиков перечисляет участников птичьих базаров: «Она уже чувствовала удушливое дыхание тундрового июля, крикливое великолепие озер, полных лебедей, гусей и уток. По оранжевой шкуре тундры прыгали с кочки на кочку белые куропатки и кричали странными, отрывистыми голосами» (Первая жена тадибея); «Птичьи базары на гранитных скалах были так шумны, что заглушали прибор» (Полуночное солнце).

Арктический пейзаж сравнивается со сказочными образами русского фольклора: «Река Сюррембой-Яга легла на моем пути сказочным полотенцем, будто его бросил Иванушка-дурачок, спасаясь от меня, словно от Кощея Бессмертного» (Девушка с реки Сюррембой-Яга). Встречаются и книжные сравнения: «Прямая трава, жесткая, как наконечники стрел, пролегла от чума к чуму, уже тронутая дыханием осени. Трава была жестка, и бледно-золотые линии умирания окаймляли листья» (Ожидание); «Края оврагов оторочены резкой каемкой кустарника. Это похоже на атолл — коралловый ошейник с лагуной в середине» (Друзья из далекого стойбища).

Читая прозу Ивана Николаевича Меньшикова, находишь так много точных, свежих и глубоких наблюдений за жизнью природы

арктической тундры, что понимаешь: так мог написать только человек, искренне полюбивший ее, проникшийся ее суровым обаянием.

Наследие этого талантливого писателя требует дальнейшего внимания и изучения как часть языковой репрезентации Севера в русской литературе.

Литература

1. *Пономарев Б.С.* Литературный Архангельск. События, имена, факты. Архангельск, 1989. С. 112.
2. *Михайлов А. А.* Северная тетрадь. О родном крае, о литературе, о товарищах, о себе. Архангельск, 1976. С. 16.
3. *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 219.
4. *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2008. С. 15.
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1991.
6. *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 854.

*Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова*